

A-40

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

В. А. АКОПЯН

„АРМЯНСКАЯ КНИГА КАНОНОВ“
И ЕЕ РЕДАКЦИИ

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ЕРЕВАН — 1967

իրոպե Գրքեր
Հատը
1515/62

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

В. А. АКОПЯН

«АРМЯНСКАЯ КНИГА КАНОНОВ»
И ЕЕ РЕДАКЦИИ

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ЕРЕВАН — 1967

Защита диссертации состоится в *конце июня* 1967 г. на открытом заседании Ученого совета Института истории АН Армянской ССР.

Отзывы просим направлять по адресу: Ереван-1, ул. Абовяна 15, ученому секретарю Института истории АН Армянской ССР.

Автореферат разослан 1967 г.

Ученый секретарь Института истории АН Армянской ССР.

В армянской средневековой литературе сохранились памятники большой значимости, в которых нашли свое отражение социальные и правовые отношения различных общественных слоев своего времени, окристаллизовались правовые нормы прошлой жизни, являвшиеся средством регулирования общественного бытия в интересах обладавшего экономическим и политическим господством класса «азатов».

Около полутора десятка лет нами изучались отражающие внутреннюю жизнь армянского народа материалы, которые хранятся в Матенадаране им. Месропа Маштоца, и были опубликованы в «Армянской книге канонов» в двух томах¹.

«Армянская книга канонов» — сборник канонических решений средневековых церковных соборов и канонических посланий видных церковных деятелей, где находятся и апокрифические тексты. «Книга канонов» дошла до нас на древнеармянском языке (грабаре) и с разными стилистическими особенностями, так как отдельные ее тексты переводились, или создавались в различные времена и разными людьми. На протяжении веков в «Книге канонов», сохранившейся в сотнях списков, произошло искажение отдельных слов и предложений, уточнение и восстановление которых потребовало от нас значительных усилий. С точки зрения содержания «Армянская книга канонов» состоит из двух частей: переводной (с сирийского и греческого) и оригинальной — армянской.

В V веке, на заре армянской литературы, когда после гениального изобретения М. Маштоца в Армении приступили к переводу Библии и другой отвечающей нуждам церкви литературы, почти в то же время был переведен ряд канонических произведений — решений Никейского, Константинопольского, Эфесского, Анкирского, Неокейсарийского, Гангрского, Анти-

¹ Том I, Ереван, 1964, 822 стр., том II, объемом в 50 авторских листов, находится в печати.

охийского и Лаодикейского соборов. Параллельно этим работам были созданы также и самостоятельные армянские каноны (Саака Партева и Шахапиванского собора).

Ко второму десятилетию VIII века в армянской действительности накопилось довольно значительное число как переводных, так и оригинальных канонических текстов. Появилась необходимость составить из этих материалов сборник.

Крупный церковно-политический деятель и писатель Иоаннес Одзници в 719—720 гг. составил из этих материалов сборник, который известен в арменоведении под названием «Книга канонов». В дальнейшем, на протяжении веков, к составленному Иоаннесом Одзници сборнику были добавлены канонические, а порой и не канонические тексты, с изменением, в некоторых случаях, порядка расположения материалов. «Книга канонов» дошла до нас в нескольких редакциях. Таким образом, «Книга канонов» в рукописях не сохранилась в своем первоначальном виде. В рукописях «Книги канонов» можно выделить два слоя: сборник, составленный Иоаннесом Одзници и, затем уставы (группы канонов или правил), добавленные в дальнейшем.

Приступив к исследованию и составлению научно-критического текста «Книги канонов», мы поставили себе задачей выяснить содержание сборника, составленного в начале VIII века Иоаннесом Одзници, его последующих редакций, их время, а также вопросы достоверности целого ряда текстов, добавившихся к «Книге канонов».

Изучению этих вопросов посвящены настоящее исследование и первый том «Книги канонов» вместе с пространным предисловием, которые и представляются к защите.

Исследование состоит из введения, шести глав, в конце прилагается список использованных источников и литературы.

В введении рассматриваются состояние работы, проделанной в этой области в арменоведении, вопросы о исторической необходимости создания «Книги канонов», необходимости ее исследования и публикации.

Большое число рукописей «Книги канонов» хранится в различных библиотеках и хранилищах рукописей мира (Вена, Венеция, Иерусалим, Нор-Джуга и т. д.), а также в

частных коллекциях. В одном лишь Матенадаране им. Месропа Маштоца насчитывается около двухсот рукописей. Хотя некоторые попытки в направлении изучения и составления целостного научно-критического текста «Книги канонов» и были предприняты (В. Бастамянц, С. Тигранян), однако по различным причинам они так и не были осуществлены. Имеются отдельные статьи относительно структуры «Книги канонов», ее связи с «Судебником» Мхитара Гоша, к ней обращались также в связи с изучением других вопросов, например, О. Гатрчян¹, В. Бастамянц, А. Ташян, С. Тигранян, Н. Акинян. В разное время из «Книги канонов» ряд уставов опубликовали Н. Мелик-Тангян, А. Клытчян, А. Кетикян. Отдельные уставы (Партавского, Двинского, Гангрского, Шахапиванского соборов) из «Книги канонов» были опубликованы при сличении с рукописями. Однако все эти работы были связаны с одним или несколькими уставами, выделенными из общей системы «Книги канонов», почему и не создавалось никакого представления о «Книге канонов» как о крупном историко-правовом памятнике, ее структуре, содержащихся в ней материалах и созданных в последующие века редакциях.

Клерикально-феодалная и буржуазная историография вследствие узости своего исторического мировоззрения рассматривала «Книгу канонов» как памятник, относящийся к одним лишь церковным вопросам. Основанием для такого подхода служит то обстоятельство, что правила, включенные в «Книгу канонов» были определениями либо церковных соборов, либо видных церковных деятелей. Инициатива созыва подобных соборов принадлежала армянской церкви, потому что издревле церковь, с одной стороны, держала в своих руках законодательную и судебную власть, и, с другой стороны, в условиях отсутствия центральной государственной власти, выступала в роли центральной и общенациональной организации. Более того, согласно свидетельствам исторических пер-

¹ Еще в 60-х годах прошлого столетия Гатрчян написал о «Книге канонов» исследование, оставшееся неопубликованным. Два фрагмента из него опубликованы в работе А. Ташяна «Учение апостолов» (Вена, 1896 г. (на арм. яз.) на стр. 429—442) и в одной статье Н. Акиняна («Андес амс-орья», 1949 г., № 4—12, стр. 135—137).

воисточников, в этих соборах вместе с духовенством принимали участие и представители светских господствующих слоев общества. В этих условиях в армянской действительности на церковных соборах рассматривались также такие возникавшие перед обществом вопросы, которые касались внутренней жизни народа. Этим следует объяснить, во-первых, участие на этих соборах представителей влиятельных феодальных домов, и, во-вторых, почему «Книга канонов» своим охватом и радиусом применения вышла из узких рамок догмы и духовного сословия и проникла в самые глухие уголки внутренней жизни армянского народа, затронула многочисленные вопросы социального положения всех его классов и слоев, выражая интересы и точку зрения господствующего класса «азатов». С другой стороны, обрядовые вопросы догмы и культа армянской церкви, которые занимают значительное место в «Книге канонов», не были в то время только формальными вопросами. В средние века они имели свое политическое значение, а именно, посредством разработки вопросов обрядовой стороны догмы и культа должно было сохраниться независимое национальное лицо армянской церкви отдаленное от влияния и идейного единения, хотя и христианских, но чужих церквей, противостоя тем самым, в условиях отсутствия армянской государственности, иноземным силам, которые вели в отношении армянского народа ассимиляторскую политику.

Приступив к изучению целостного научного текста «Книги канонов» и исследованию связанных с ним филологических и источниковедческих вопросов, мы изучили около 200 рукописей «Книги канонов» Матенадарана им. Месропа Маштоца и отобрали из них 49, а древнейшую из рукописей — список 1098 г., который хранится в монастыре Аменаприкч (Все-спаса) в предместье Исфагана—Нор-Джуге, использовали в фотокопии. Результаты этой работы мы опубликовали в 1964 г. в I томе «Книги канонов», в качестве редакции VIII века (использованы 48 рукописей), а редакции X и XI веков и настоящее исследование мы поместили во втором томе (где использовано 50 рукописей), который находится в процессе производства.

Исследование показало, что создание «Книги канонов» во-втором десятилетии VIII века было исторической необходимостью, а не случайным явлением.

Начиная с середины VII века, периодически повторявшиеся после завоевания Армении войны между арабами и византийцами разрушали страну. С другой стороны, до Одзнец в Армении велись шумные дискуссии вокруг халкедонитства — официального византийского вероисповедания. Византийская империя не отличалась терпимостью халифата в отношении вероисповедания других народов. Христианские народы, находившиеся под верховным владычеством арабского халифата, имели свое внутреннее самоуправление и были свободны от подчинения догме ислама. Тогда как византийская империя, исходя из факта общности официальной армянской и византийской догмы и опираясь на нее, стремилась ослабить владычество арабов в Армении, политически присоединить к себе армян, затем ассимилировать их и, полностью завоевав Армению, превратить ее в одну из областей империи. Вот почему сущность догматической, а в действительности и политической борьбы, завуалированной дискуссиями о халкедонитстве, сводилась к усилению влияния Византии в Армении. Однако Иоаннеса Одзнеци огорчали не только раскольниковый образ действий армянских халкедонитов, но и появившиеся внутри армянской церкви секты. Они не выступали, подобно арианам, несторианам и другим сектантам с дискуссиями относительно природы Христа, а отрицали фактически самую необходимость существования официальной церкви. Если для примкнувших к христианству раннего периода низших прослоек общества—рабов, военнопленных, мелких крестьян и других слоев трудящихся—«для них всех,— по выражению Энгельса,— утраченный ими рай лежал позади»¹, то во время раннего и развитого феодализма трудящийся народ в лице сект боролся за то, чтобы перенести рай на землю, в свою повседневную жизнь за счет материального господства феодалов. И потому, что церковь сама была феодальной организацией, которая «в каждой стране владела приблизительно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, М., 1936, стр. 422.

но третьей частью всей земли»¹, по этой причине «всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви»². Это делает понятной чрезвычайную жестокость мероприятий армянской церкви, направленных против манихейцев, павликиан, а позднее, тондракийцев.

В этих условиях цель и мероприятия Иоаннеса Одзнеци были направлены на восстановление политического единения разных слоев армянского народа, на сохранение и укрепление самоуправления во внутренней жизни армянского народа в условиях борьбы против византийских посягательств, против сектантских движений, накопление сил и подготовки к поднимавшейся новой волне борьбы против арабов. Именно в круговороте этой борьбы и обработал Одзнеци свой устав и составил «Книгу канонов», чтобы собрать в лоно единой догмы всех армян, сохранить самостоятельность и независимость армян и армянской церкви. Последнее, несомненно, должно было опираться на национальные предания и обычаи.

Осуществление определенных общественно-политических целей посредством традиционных национальных канонов и обычаев — таково политическое и практическое значение «Книги канонов» того времени, которая являлась своего рода демонстрацией против халкедонитства, в частности, а вообще — против завоевательной политики византийской империи. Эта мысль красной нитью проходит через 8-ой канон устава Одзнеци: «На святой престол, согласно завету нашего святого Григора, надлежит выставить пропеченный хлеб и неразбавленное вино, а не склоняться перед преданиями христиан чужих народов, ибо святой Лусаворич предписал своей пастве выполнять взятое из предписанных законов апостольское повеление... и нам надлежит к нему прилепиться, не упускать его и не принимать каких то новшеств»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, часть I, М., 1937, стр. 295.

² Там же, том XVI, часть II, стр. 296.

³ Армянская книга канонов, т. I, стр. 519.

Средневековая армянская (и не только армянская) историография сообщает в лучшем случае отрывочные или случайные сведения о внутренней жизни народа, взаимоотношениях классов и сословий, их правовом положении и о других подобных вопросах. В ней нашли свое отражение необычные, ломающие внешнюю и внутреннюю жизнь народа, явления — войны, нашествия, заговоры, догматические споры, стихийные бедствия и прочее. Этот пробел в армянской историографии в значительной мере восполняет «Книга канонов».

Основываясь на тех сведениях относительно правового положения «азатов» («свободных») и «неазатов» («несвободных»), которые сохранились в канонах Шахапиванского собора (V в.) и других источниках, академик А. Манандян делает вывод, что выражение «неазат» является лишь признаком обязанности платить налоги, от которых были освобождены дворянство и церковь, что непринадлежность «шинаканов» (крестьян) к классу «азатов» еще не служит доказательством их крепостного состояния¹. «Шинаканы» не только обладали собственностью — землей, движимым и недвижимым имуществом, но и имели право распоряжаться этой собственностью. Больше того, хотя «шинаканы» были «неазатами», являлись податным и наиболее многочисленным классом низшей ступени в иерархии феодального общества, тем не менее они были господами своих личных прав². В отдельных канонах Шахапиванского собора за одно и то же преступление и для «азатов» и для «шинаканов» предусматривается одинаковое наказание (см. каноны 5, 7, 8, 12, 13)³.

В правилах Шахапиванского собора и Саака Партева (V в.) имеются интересные сведения относительно правового положения женщины. Эти сведения показывают, что женщина перед законом имела равные с мужчиной права: «будь то мужчина или женщина, канон таков»⁴. В этом отношении

¹ А. Манандян, Феодализм в древней Армении, Ереван, 1934, стр. 129, 161, на арм. яз.

² Там же, стр. 182.

³ Армянская книга канонов, том I, стр. 436, 440, 445, 449.

⁴ Третий канон Шахапиванского собора (Армянская книга канонов, т. I, стр. 434). Ср. с 5-ым и 9-ым канонами того же собора.

весьма примечательна идея свободного выбора при браке в то время — в V веке. В своем 27-ом каноне Саак Партев запрещает брак, если вступающие в брак не видели друг друга и не понравились взаимно.

Интересные сведения о налогах и церковных податях общают 11, 32, 42, 52-ой каноны Саака Партева, а также 9 и 11 каноны Двинского собора (645 г.). Согласно 52-му канону Саака Партева «ишханы» (князья) могли дарить церкви за упокой своих душ и душ своих родителей «села и усадьбы, сокровища золота и серебра, а также из полей и домашнего скота и драгоценных одежд»¹.

«Книга канонов» интересует нас также с точки зрения филологической. В первом каноне Анкирского собора написано: «приступить также к **таргманутян**»². Подчеркнутое слово встречается также в 19-ом каноне Лаодикеского собора: «нужно после **таргманутян** епископам отдельно совершать...»³.

В греческом слове «таргманутюн» соответствует *ἡ ὀμιλίαν*⁴ *τὰς ὀμιλίαις*⁵. Слово «таргманутюн» в своем обычном значении («перевод») не раскрывает мысли этих текстов. Слово *ἡ ὀμιλία* наряду с другими значениями, означает также беседу, проповедь, в то время как в армянском языке слово «таргманутюн» долгое время в этом смысле не понималось. В приведенных отрывках оно означает «беседа», «проповедь». Это маленькое уточнение дает возможность правильно понять следующую фразу из 36 главы третьей книги «Истории» Мовсеса Хоренаци: «Да не осмелится никто по гречески говорить или проповедовать («таргманел»)». Последнее слово—«таргманел», означает здесь «проповедовать».

Ниже отмечено, какие, именно, уставы в «Книге канонов» были переведены с греческого. Сравнения греческого текста с его древнеармянскими переводами показало, что переводы отдельных текстов «Книги канонов» были осуществлены с

¹ Армянская книга канонов, т. I, стр. 412.

² Там же, стр. 154.

³ Там же, стр. 333, сравн. с 11 канонем Сардикейского собора, там же, стр. 264.

⁴ I. B. Pitra, *Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta*, t. 1. Romae, 1864, p. 441.

⁵ Там же, стр. 497.

разных греческих редакций. Например, в 4-ом каноне Антиохийского собора написано: «либо епископ по предварению или прежним обычаям, либо иерей, либо дьякон»¹. Опубликованный Питрой греческий текст полностью соответствует армянскому, тогда как в публикации Лаухерта отсутствуют слова «либо иерей (*εἴτε ὁ πρεσβύτερος*)»². В 13 каноне того же устава написано: «и рукоположение совершить в церкви»³. У Питры греческий текст соответствует последнему, тогда как у Лаухерта отсутствует слово «в церкви»⁴ и т. д. Лишь в некоторых случаях содержание «Книги канонов» соответствует содержанию публикации Лаухерта, например, в 14-ом каноне Сардикейского собора у Лаухерта читаем следующее:

*καὶ ταχέως ἀντικρὺ πρεσβυτέρου ἢ διακόνου*⁵. *Ταχέως* означает «спешно», «скоро», «быстро». Вместо этого слова у Питры приведено *τραχέως*, означающее «жестоко», «резко», «грубо», «бешено», «яростно», тогда как в «Книге канонов» дается то же чтение, что и в источнике, использованном Лаухертом: «и спешно встречного иерея или дьякона».

Если учесть, что послужившие основой для армянского перевода отдельных уставов «Книги канонов» греческие тексты более древние⁶, чем дошедшие до нас греческие тексты тех же уставов (Никейского, Константинопольского, Эфесского, Анкирского, Антиохийского, Лаодикеского соборов, устав Василия Кесарийского и др.), тогда, изучая тексты древних армянских переводов отдельных уставов, можно будет решить, которая из греческих редакций более древняя, или, в случае возможности, произвести некоторые уточнения в дошедших до нас греческих текстах.

Идейные принципы «Книги канонов» основываются на догматических положениях христианской, в частности, ар-

¹ Армянская книга канонов, т. I, стр. 208.

² Die Kanones der wichtigsten altkirchlichen Concilien nebst den apostolischen Kanones, Freiburg i[m] B[reisgau] und Leipzig, 1896, S. 44.

³ Армянская книга канонов, стр. 214.

⁴ Die Kanones der wichtigsten altkirchlichen Concilien..., S. 46.

⁵ Там же, стр. 67.

⁶ Ниже будет показано, что эти переводы с греческого на армянский язык были сделаны в V в., следовательно греческие тексты должны относиться к IV—V веку.

мянской церкви, следовательно «Книга канонов» призвана оправдать социальное неравенство феодального общества, сохранить и укрепить догматические и обрядовые положения армянской церкви. Ради сохранения и укрепления этих положений, «Книга канонов» вела борьбу против явлений чуждых принципам феодального общества и армянской церкви, которые возникали в армянском обществе того времени и были обусловлены внутренними закономерностями развития этого общества.

«Книга канонов» содержит многочисленные материалы относительно еще сохранившихся в быту, в верованиях армянского народа пережитков образа жизни, представлений дохристианского, языческого периода. Армянская церковь рассматривала сохранившиеся в недрах народа пережитки языческого периода как плодородную почву, которая идейно питает разные секты. Против этих пережитков и были направлены нашедшие себе место в «Книге канонов» соответствующие положения. Другим своим острием «Книга канонов» была направлена против появившихся в Армении социальных движений — манихейства и павликианства. По этому вопросу в «Книге канонов» сохранились 19 и 20-ый каноны Шахапиванского собора и 32-ой канон Одзнеци. Ф. Энгельс отмечает, что, «монастыри были ненормальными общественными организациями, основанными на безбрачии»¹, и находились в положении исключительном. Об этом положении — экономической мощи, источниках доходов, свободе от уплаты налогов, мы находим заслуживающее внимания материалы в уставах Саака Партева и Двинского собора (VII в.). В последнем сохранились интересные свидетельства также относительно межсословной борьбы на экономической и политической почве между двумя слоями «азатов» — светскими и духовными феодалами. В этой борьбе знать стремилась экономически ослабить церковь, ограничить источники ее доходов и превратить ее в податную единицу.

«Книга канонов» содержит очень важные материалы для изучения общественных и иных наук, как, например, этногра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том XXI, М., 1961, стр. 153.

фии, медицины, в частности, гигиены, истории философии, языка, гражданского и уголовного права и других вопросов.

Таков неполный список тех вопросов, благодаря которым «Книга канонов» может стать предметом серьезного исследования для ряда отраслей общественных наук. Необходимость изучения этих вопросов на настоящем этапе развития советской армянской историографии, сделала необходимым изучение «Книги канонов» и составление и публикацию ее научно-критического текста.

* * *

Учитывая различное расположение одного и того же материала в «Книге канонов», мы разбили использованные нами рукописи на две группы — *U* и *P*, и каждую из них, в свою очередь, на четыре подгруппы.

Эти вопросы подробно рассмотрены в первом томе «Армянской книги канонов»¹, где затем даны две схемы генеалогии рукописей².

В первой главе диссертационной работы обстоятельно исследуются вопросы о том, какая из двух групп была первичной. На основании ряда фактов мы пришли к заключению, что первичной была группа *U*, из которой в дальнейшем возникли рукописи группы *P*. Одзнеци в предисловии к Анкирскому уставу пишет: «Эти каноны (т. е. Анкирские—В. А.) были раньше, чем те, что были установлены в Никее, однако те, что были установлены в Никее, мы написали сперва...»³. Это означает, что он хотя и знал, что Анкирский собор был раньше собора Никейского, однако, в составленной им «Книге канонов» решения Никейского собора поместил раньше решений собора Анкирского, потому что, как он пишет, последние были «могучими и великими»⁴. Следовательно, в данном случае Одзнеци руководствовался не хронологическим принципом, а принципом значимости. В этой связи становится понятным, почему в рукописях группы *U* стоит сперва Никейский

¹ Армянская книга канонов, т. I, стр. XXX—XXXVIII.

² Там же, стр. XXXII, XXXVIII.

³ Там же, стр. 152.

⁴ Там же.

устав, а не Анкирский. Между тем в рукописях группы *В* хотя и сохранилось вышеприведенное предисловие к Анкирскому уставу, однако, это не помешало тому, чтобы Анкирский устав был помещен перед Никейским уставом.

В древнейшей рукописи группы *U* и в ее списках ABCDE FNU над заглавием к Никейскому уставу проставлено: «Стоит 4-ым»¹. Это означает, что в первоначальном тексте «Книги канонов» Никейский устав должен был стоять на **четвертом** месте. И действительно, в рукописях группы *U*, независимо от того проставлено ли там «стоит 4-ым», или нет, Никейский устав стоит на четвертом месте, а именно, в таком порядке: Апостольский, Клементя, Отцов преемников апостольских, Никейский, Анкирский и т. д. Из рукописей группы *В* шестнадцать acdefhiklmnoprst имеют в верхнем обозначении лишь слово «стоит», а сам этот устав во всех рукописях данной группы стоит на седьмом месте в следующей последовательности: Апостольский, Клементя, Фаддея, Филиппа, Отцов преемников апостольских, Анкирский, Никейский.

Исследовав последовательность расположения 1—40-го уставов, мы заметили, что устав первого традиционного просветителя армянской церкви, апостола Фаддея в рукописях группы *U* стоит после устава Одзнеци на 26-ом месте, потому что, как мы это показали в 5-ой главе исследования, этот устав в настоящем своем виде появился уже после Одзнеци, который, понятно, не мог знать о нем, иначе поместил бы его в своем сборнике, как творение первого просветителя армянской церкви. Между тем в рукописях группы *В* устав апостола Фаддея стоит на 3-ем месте перед уставом Одзнеци (24-ое место).

В этой главе рассматривается также вопрос о том, в какой из двух групп рукописей сохранилась в структурном смысле «Книга канонов», составленная Одзнеци. Исследование рукописных и литературных свидетельств показывает, что она сохранилась в сравнительно неискаженном виде в рукописях группы *U*. Из памятной записи Одзнеци в «Книге канонов» выясняется, что помимо создания сборника из отдельных раз-

¹ Там же, стр. 114, прим. I.

бросанных уставов, он поместил там также и результаты своих исследований — сведения о времени и месте создания отдельных уставов и краткие указатели их содержания¹. В рукописях группы *U* эти данные сохранились в тех 24 уставах, которые вошли в сборник, составленный Одзнеци, а в уставах добавленных к «Книге канонов» после VIII века, за исключением нескольких рукописей позднего периода, ничего подобного нет.

При исследовании последовательности 24 уставов рукописей группы *U* замечается определенный принцип: сначала поставлены переводные — сирийские и затем греческие уставы, а потом — самостоятельные армянские.

Отмеченные факты не отразились в рукописях группы *В*. Это привело нас к заключению, что «Книга канонов» Одзнеци состоит из 24 уставов, и первый том «Армянской книги канонов» представляет собой сборник Одзнеци. Таким образом в «Книге канонов» Одзнеци были охвачены следующие уставы: Апостолов, Клементя, Отцов преемников апостольских, Никейский, Анкирский, Неокесарийский, Гангрский, Антиохийский, Лаодикейский, Сардикейский, Константинопольский, Эфесский, Василия Кесарийского) переведены с греческого, восемь (Григора Лусаворича, Саака Партева, Шахапиванского, двух Двинских соборов, Иоанна Мандакуни, епископа Абраама Мамиконяна, Саака III Дзоратореци и Иоаннеса Одзнеци (Двин, 719 г.). В хронологическом отношении эти тексты охватывают канонические уставы IV—начала VIII веков. Первый из них — Апостолов переведен с сирийского, одиннадцать (Клементя, Никейский, Анкирский, Неокесарийский, Гангрский, Антиохийский, Лаодикейский, Сардикейский, Константинопольский, Эфесский, Василия Кесарийского) переведены с греческого, восемь (Григора Лусаворича, Саака Партева, Шахапиванского, двух Двинских соборов, Иоанна Мандакуни, епископа Абраама Мамиконяна, Саака III Дзоратореци) являются армянские, остальные четыре — апокрифические, созданные также в армянской церковной среде.

Во второй главе работы рассматривается вопрос редак-

¹ Армянская книга канонов, т. I, стр. 536.

ции «Книги канонов» X века. Впервые такое литературное свидетельство, которое может служить материалом для исследования содержания «Книги канонов», сообщает Анания Мокаци в середине X века. В своем третьем и четвертом письмах он ссылается на «Книгу канонов» и приводит цитаты из уставов Апостолов, Клементя, Отцов преемников апостольских, Анкирского и Никейского соборов, Василия Кесарийского, Саака Партева, Шахапиванского и Второникейского уставов¹. Это значит, что в середине X века в «Книгу канонов» уже был включен устав Второникейский. Последний же в рукописях группы *U*, где «Книга канонов» в редакции Одзнеци сохранилась сравнительно нетронутой, находится на 34-ом месте. Следовательно, во время Анании Мокаци «Книга канонов» состояла из 34 уставов, если не больше. К таким же приблизительно заключениям приводит нас и Судебник Мхитара Гоша, писателя XII века.

Известно, что составляя свой Судебник, Гош в значительной степени пользовался «Книгой канонов». Однако, это не значит, что он использовал одну из дошедших до нас версий «Книги канонов». Еще С. Тигранян, изучая вопросы связи «Книги канонов» и «Судебника» и использования Гошем «Книги канонов», пришел к заключению, что «канонические правила Мхитар извлек из сборника «Книги канонов», пользуясь ее древним экземпляром»². Однако, каково было содержание «Книги канонов», находившейся под рукой у Мхитара Гоша, этот вопрос автор статьи не рассматривает. Мы делаем попытку выяснить этот вопрос. Приводя в 104 статье первой части Судебника почти дословно из «Книги канонов» 7-ой канон Двинского собора 645 года Гош добавляет: «Это взято из последнего канона указа»³.

Исходя из этого свидетельства, В. Бастамянц, хотя и с колебанием, заключил, что «Книга канонов», которая находилась под рукой Гоша, должна была завершаться уставом

¹ Арарат, 1897, стр. 278—279, 281—282, 284—285, 287—288. на арм. яз.

² «Судебная книга» Мхитара и «Книга канонов», стр. 71 (Известия кавказского историко-археологического института в Тифлисе, т. III, Тифлис, 1925).

³ Армянский судебник Мхитара Гоша, Вагаршанат, 1880, стр. 211, на арм. яз.

Двинского собора 645 года, который в рукописях «Книги канонов» группы *U* находится на 38-ом месте. Это заключение В. Бастамянца мы считаем правильным. Таким образом, рукописи, которыми пользовались Анания Мокаци и Мхитар Гош, восходили к X веку и не содержали письма патриарха Иерусалима Макария I, которое в «Книге канонов» помещено на 39-ом месте. Между тем, в конце XII века во время Гоша уже существовала наиболее древняя из рукописей группы *U*, и вообще всех рукописей «Книги канонов»—список А от 1098 года, который включал не 38, а 57 уставов.

В свете этих фактов, следовательно, неприемлем вывод Н. Акиняна, будто «Книга канонов была известна до 1050 г. (то есть до времени Анании Ахбатечи—В. А.) только 1—25 главами»¹, или «по-видимому «Книга канонов» была известна Анании Мокаци (943—967) в стольких главах (то есть 24, которые содержал сборник Одзнеци—В. А.)»², или, «с расширенной «Книгой канонов» мы сталкиваемся впервые в (рукописи) 1098 года, где старое собрание обрело дополнительные 26—53 части»³ (подчеркнуто нами—В. А.). Наоборот, как это было показано, в X века, во время Анании Мокаци «Книга канонов» имела по меньшей мере 34 устава, а во время Анании Ахбатечи в 1050 г.—40, следовательно, мы впервые сталкиваемся с древним сборником «Книги канонов» во время Анании Мокаци и несколько позднее, в конце X века с добавившимися 25—40 уставами, которые сохранились в рукописях группы *U*. Именно это и есть редакция «Книги канонов» X века. Таким образом, в конце X века «Книга канонов» содержала сборник Одзнеци с 1—24 уставами, и последующими дополнениями—25—40 уставами, то есть всего 40 уставами, от которых и возникли рукописи группы *B*.

Последний вопрос можно выяснить исследованием содержания рукописей группы *B*.

В древнейших по происхождению рукописях *it* группы *B*

¹ Письмо патриарха иерусалимского Макария II Врганесу архиепископу Сюника, о церковных порядках, Вена, 1930, стр. 108, на арм. яз.

² Там же.

³ Там же, стр. 109.

записаны в оглавлении заглавия 40 уставов, однако последние скопированы до 28-го заглавия—устава Кирилла Александрийского, на котором списки прерываются. Указатель содержания подгруппы *hlou* имеет заглавия 40 уставов, отмеченных в указателе рукописей *it*, однако в самих рукописях после этих 40 уставов, оказываются еще новые уставы, заглавия которых не отмечены в указателях содержания рукописей. Указатель содержания и сами рукописи подгруппы *acdkmprsv* заключают в себе в неизменном виде уставы 1—40 подгруппы *it* и 41—65 подгруппы *hlou*, после чего имеется еще продолжение. Подгруппа *befgq* содержит лишь 1—40 уставы подгруппы *it* и затем продолжение, которое, однако отлично от продолжения вышеуказанных подгрупп. Таким образом, в четырех подгруппах группы *R* уставы 1—40 повторяются без изменения и отклоняются затем в продолжении. Это обстоятельство привело нас к заключению, что «Книга канонов», была после Одзнеци обогащена, **какое то определенное время** содержала 40 уставов. Однако, как следует понимать это **определенное время**? В подгруппе *befgq* после 40-ого устава канонические тексты прерываются материалами общехисторического характера, а вслед за ними вновь продолжают канонические тексты. Согласно рукописи «е» эти исторические материалы следующие: списки участников Никейского и Кесарийского соборов, списки армянских католикосов, Камсараканских епископов, патриархов Иерусалима и патриархов Константинополя.

Список армянских католикосов заканчивается следующим свидетельством: после смерти католикоса Хачика I Аршаруни «в патриархи святого престола Григора рукоположили владыку Саргиса, что произошло в году 441 (992) армянского летосчисления»¹.

Следовательно, список католикосов завершается упоминанием о помазании в католикосы Саргиса I Севанци в 992 г., однако составителю списка неизвестно сколько лет патриаршествовал последний. Из этого мы заключаем, что список католикосов был составлен и включен в «Книгу канонов», в

¹ е, стр. 189аб, в, стр. 249а, ф, стр. 286аб, г, стр. 159аб, қ, стр. 152а.

то время, когда последняя, будучи после Одзнеци обогащена в 90-ых годах X века, содержала в момент составления списка 40 канонических текстов. Это означает, что до 990-ых гг. в «Книге канонов» находились 40 канонических текстов. Именно в это время уставы в «Книге канонов» были переставлены с намерением расположить их в хронологической последовательности. Так возникли рукописи «Книги канонов» группы *R* — сперва *it*, затем *befgq*, *hlou* и *acdkmprsv*.

В третьей главе работы исследуется вопрос редакции «Книги канонов» XI века. Это значит, что будет выяснено, какими уставами пополнились после 90—х г. X века рукописи группы *U*. Писец в этой древнейшей группе рукописи А в своей памятной записи просит помянуть «Тер Хачика, который долгое время... предоставлял по собственной воле настоящий образец (экземпляр)»¹. Каково было содержание этого образца рукописи А, нам неизвестно. Тем не менее некоторые факты дают повод для размышлений. Например, хотя рукопись А содержит в себе 57 уставов с 1332 канонами, однако в предметном указателе в начале рукописи охвачены материалы только 40 уставов с 1257 канонами. Остальные 17 уставов, т. е. 41—57 с 75 канонами в предметном указателе не отмечены. С другой стороны, писец — автор памятной рукописи, сообщает, что, начав список рукописи А в монастыре Парлаху, он прерывает работу и отправляется в пустыню Иоанна, где писцу предписывают «восполнить недостающее...»². Исходя из этого, можно заключить, что экземпляр Тер Хачика, с которого в 1098 г. была скопирована рукопись А, имел 40 уставов, а 17 (41—57) из содержащихся в рукописи 57 уставов были добавлены во время копирования в 1098 г. Таким образом, именно эти 17 уставов и представляют редакцию XI века «Книги канонов», которая также издается во втором томе «Книги канонов».

После этого, до XVII в. в рукописях группы *U* мало, что добавилось. Например, рукописи BCDEFGH и U имеют по одному уставу больше, чем рукописи AP, а рукописи IJKL MQRSTVXYZWô—по три устава. Интересно однако, то, что

¹ Армянская книга канонов, т. I, стр. LX.

² Там же.

об этих трех уставах в рукописи Т и примыкающих к ней рукописях сохранилось такое свидетельство: «Этих трех уставов... не было в оригинале, мы нашли их в другом древнем экземпляре и поместили здесь по порядку...»¹. Если это свидетельство не скопировано из более древней рукописи, то значит эти три устава включил в рукопись Т писец — священник Григор в 1621 г.

Во всяком случае эти уставы не могли быть включены в «Книгу канонов» ранее XV века.

В четвертой главе рассматривается вопрос новых редакций «Книги канонов», возникших на основе рукописей группы В. Структурное изменение, которое было внесено в «Книгу канонов» в 90-х гг. X века, проявляется впервые в рукописях *it* этой группы, которые содержат те же 40 уставов группы *U*, но расположенные в другом порядке. На этой основе «Книга канонов» была в разном объеме обогащена и в других подгруппах. Например, в подгруппе *beiqg* добавились шесть уставов, тогда как в *hloii* независимо от предыдущей, — 22. Подгруппа *hloii* появилась до Георга Ламбронати, т. е. до XIII в., потому что редакция последнего — подгруппа *acdkmprsv* является непосредственным продолжением содержимого *hloii*. Здесь Георг Ламбронати добавил 13 текстов. Вопрос редактирования «Книги канонов» Георгом Ламбронати мы разрешили на основании свидетельства, сохранившегося в рукописи № 43 библиотеки монастыря Кармир в Анкире. В ней за последним уставом следует памятная запись, в которой просят помянуть «великого ритора Георга, который много потрудился над недостающим в написанном и писал своими многомилостивыми пальцами до тех пор, пока восполнил недостающее»².

Из другой памятной записи, написанной в 1611 г. Акопом Кётайеци, мы узнаем, что этот Георг прозывался «Кидикеци» т. е. «Сисеци»³, т. е. речь здесь идет о Георге Ламбронати, писателе второй половины XIII века. В исследовании подроб-

¹ Т, стр. 362б, срав. I стр. 209а, К стр. 259а, М, стр. 280а и др.

² Бабкен Кюлесерян, Каталог рукописей монастыря Кармир в Анкире и окрестностях, Антилиас, 1957, стр. 235, на арм. яз.

³ Там же, стр. 265—266.

но рассмотрены и определены рукописи *acdkmprsv*, хранящиеся в Матенадаране им. Месропа Маштоца и представляющие его редакцию.

Говоря о «Книге канонов» в редакции Георга Ламбронати, а затем Азарии Саснеци, Н. Акинян находит, что в промежуток времени между этими двумя авторами сделал добавления к «Книге канонов» также Григор Кесараци (XVII в.). Однако, результаты нашего исследования не подтвердили гипотезы Н. Акиняна. Он отмечает ряд уставов, который будто бы включил в «Книгу канонов» Григор Кесараци, однако ничего не говорит о том, каким образом он это определил. Между тем среди отмеченных им уставов есть также материалы, которые были включены в «Книгу канонов» намного раньше — в 90-х гг. X века. Таковы, например, списки армянских католиков и Камсараканских епископов, или, в редакции Георга Ламбронати, например, тексты Нерсеса Клаеци, Анания (Ахбатечи?) и т. д. Далее, в вышеуказанной памятной записи Акоп Кётайеци сообщает о дополнениях, сделанных в «Книге канонов» Георгом Ламбронати и Азарией Саснеци и ничего не говорит о Григоре Кесараци. Более того, он пишет, что последний лишь дал скопировать «Книгу канонов» в редакции Георга Ламбронати.

Сведения о редакции Азарией Саснеци (XVII в.) «Книги канонов» извлечены нами из памятной записи скопированной для него «Книги канонов», согласно которой Азария Саснеци приезжает в 1603 г. в Константинополь и, увидев у Григора Кесараци превосходный экземпляр «Книги канонов», выражает желание, чтобы его скопировали для него. Одновременно он начинает собирать в разных местах ряд других материалов и лишь в 1609 г. поручает переписать эту «Книгу канонов», а затем пополняет ее собранными им материалами. Основой списка Азарии Саснеци является «Книга канонов» в редакции Георга Ламбронати, заключенная в рукописях *acdkmprsv*, к которой добавлены около 40 текстов разного характера, например, видения Григора Лусаворича и Саака Партева и их толкования, каноны Давида, сына Алавка, письма Нерсеса Шнорали, различные исторические материалы и т. д. Указатель этих материалов можно найти в указанной руко-

писи и в памятной записи¹. При изучении характера этих материалов, можно заметить, что Азария Саснеци создал не новую редакцию «Книги канонов», а нарушил принцип подбора материала для «Книги канонов» и превратил эту книгу в своей редакции в сборник различных литературных материалов.

В пятой главе исследуется вопрос достоверности ряда текстов, который был включен в «Книгу канонов» после редакции VIII века. Подобные тексты, безусловно, имеются и в «Книге канонов», составленной Одзнеци, как например, уставы, приписанные Апостолам, Отцам преемникам апостольским, Афанасию Александрийскому и др. Пространное и ценное исследование об Апостольском уставе написал А. Ташян.

Как показывает это исследование, приписываемый в «Книге канонов» Афанасию Александрийскому устав не принадлежит перу Афанасия. В двух текстах² вопросов и ответов ученика последнего, Тимофея Александрийского, мы обнаруживаем 15 вопросов и ответов, приписываемых Афанасию³. Нам не удалось определить когда и как был создан и приписан Афанасию этот устав из-за отсутствия фактов, однако достоверно то, что последний появился до VIII века, то есть до создания «Книги канонов» Одзнеци.

Для подобных уставов мы применяем слово «псевдо». Однако под этим не следует понимать сочинений противных теориям и преданиям церкви, наоборот, это извлечения из известных источников, не вызывающих сомнения писателей, нередко переложенные, смотря как к ним подходили, то пространно, то кратко. Слово «псевдо» относится к вопросу установления их автора.

К числу подобных текстов относится устав, приписываемый апостолу Фаддею, который занимает в «Книге канонов» 26-ое место. Хотя уже некоторые ученые (В. Бастамянц, А. Ташян, Н. Мелик-Тангян и др.) считали эти каноны недостовер-

¹ Бабкен Кюлесерян, Каталог рукописей монастыря Кармир..., стр. 235—239, 247.

² I. V. Pitra, *Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta* t. I, p. 638—643.

³ Армянская книга канонов, т. I, стр. 603, 606—608, 610.

ными, однако, мы не только доказали это, но и попытались показать, что они появились после Одзнеци. Прежде всего мы обнаруживаем в них следы использования уставов этого последнего и католикоса Сиона, во вторых, если бы этот устав, существовал до Одзнеци, он, как было отмечено выше, включил бы его в свою «Книгу канонов» в качестве произведения первого просветителя армянской церкви, с именем которого связывается апостольское наименование армянской церкви.

На 33-ем месте в «Книге канонов» находится так называемое Антиохийское исповедание, которое не имеет канонического содержания и относится к вероисповедному дискуссионно-отрицающему жанру. В армянской литературе эти тексты были известны то за именем сирийского епископа Абдишо¹, то католикоса Абраама², то Антиохийских. Тот факт, что текст этот известен под разными именами, а в «Определении веры»³ анонимен, показывает, что он фальсифицирован, хотя и исходит из глубокой древности. Мы предполагаем, что этот текст был включен в «Книгу канонов» из книги «Определении веры», ибо по своему содержанию он соответствует последней, а не «Книге канонов». И не случайно, что в «Книге канонов» он появляется уже после Одзнеци.

Заслуживает внимания устав, известный за именем Никей, который имеет заглавием «Второникейские каноны». Этот устав не имеет связи с решениями второго Никейского собора 787 г. и был создан из соответствующих канонов Никейского, Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского и Лаодикейского соборов. В исследовании указаны источники всех 114 канонов. Одно из основных наших заключений состоит в том, что этот устав существовал еще до создания «Книги канонов», намного раньше VIII века. В уставе есть каноны, как, например, 3, 96, 111-ый и другие, которых мы не находим в «Книге канонов», но они имеются в соответствующих греческих уставах.

В первом томе «Армянской книги канонов» показано, что 3 и 18 каноны Никейского устава, 10 канон Анкирского, 2, 6,

¹ Книга посланий, Тифлис 1901, стр. 66—69, на арм. яз.

² Н. Погарян, Каталог рукописей монастыря святого Иакова, т. II, Иерусалим, 1953, стр. 32, на арм. яз.

³ Эчмнадзин, 1914, стр. 366—371, на арм. яз.

8 и 10 каноны Кесарийского, 8—12 каноны Неокесарийского, 20, 21, 23 и 24 каноны Гангрского, 25 канон Антиохийского уставов¹ отсутствуют в греческом тексте тех же уставов. Ни один из отмеченных здесь канонов не нашел своего выражения в Второникейском уставе. Эти факты подтверждают наше вышеуказанное заключение о том, что Второникейский устав возник раньше, чем эти каноны были включены в соответствующие уставы, и была создана, «Книга канонов» Одзнеци.

Следующее наше заключение состоит в том, что источниками Второникейского устава были не «Книга канонов» и не греческие тексты соответствующих ей уставов, а древнейшие переводы с греческого языка на армянский, которые до Одзнеци существовали в армянской литературе в разбросанном виде. Основанием для такого заключения послужили следующие факты. В первом томе «Армянской книги канонов» было опубликовано содержание защитного пергаментного листа рукописи № 2151² и один текст из рукописи № 659³ (Матенадаран). Первый текст представляет неполные 3, 4, 5, 10-ый каноны (соответственно греческим 2, 4, 8, 9 и 18-ый) устава Василия Кесарийского, вошедших в «Книгу канонов» и не включенные в тот же устав «Книги канонов» греческие каноны 15, 16 и 17-ый, а второй текст—это 87-ое каноническое письмо Василия Кесарийского на греческом языке, которое было включено в «Книгу канонов» в очень сокращенном виде в качестве 51-го канона его устава. Эти тексты представляют собой остатки древнейшего наиболее полного армянского перевода канонических писем Василия Кесарийского, которые сохранились доныне независимо от «Книги канонов» и существовали до Одзнеци.

Из этих фактов следует, что древнейшие армянские переводы обязательно имели также каноны Никейского, Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского и Лаодикейского соборов, которые по каким то причинам ныне не существуют и которые дошли до нас в сохранившемся в виде

¹ Армянская книга канонов, т. I. стр. 562, 565, 571, 573—574, 576, 584, 589.

² Там же, стр. 657—661.

³ Там же, стр. 620—621.

«Книге канонов». Именно они и являлись источниками Второникейского устава.

При определении приблизительного времени создания Второникейского устава мы исходили из следующего: каноны Сардикейского собора не были использованы в Второникейском уставе из-за того, что не были переведены с греческого на армянский; их перевод был осуществлен в VI—VII вв. представителями грекофильской школы¹. На основании этого мы заключаем, что Второникейский устав образовался в конце V, либо в начале VI века из ранее осуществленных древнейших переводов с греческого на армянский язык. Возможно, что устав этот составил Иоанн Мандакунни. В дальнейшем, в начале X века, до Анании Мокаци, он был включен в «Книгу канонов» в качестве 34-го устава.

Основываясь на свидетельстве, имеющемся в труде Одзнеци «О соборах, которые были в Армении», о том, что Аристакес, вернувшись из Никейского собора, привез с собой 51 канон², мы путем тщательного анализа попытались показать, что Одзнеци имел при этом в виду Второникейский устав в его первоначальном виде, который в дальнейшем был обогащен и уже в такой форме вошел в «Книгу канонов».

Другой устав известен за именем Василия Кесарийского и состоит из 272 канонов. В нем содержится гораздо больше определений по поводу повседневных взаимоотношений людей, чем в каком бы то ни было другом уставе и быть может именно по этой причине Мхитар Гош во второй части своего Судебника использует этот устав чаще, чем какой-нибудь другой. Можно отметить несколько подобных канонов. Например: 105 канон определяет, что если ремесленник украдет из материала заказчика, то должен возратить в четыре раза больше; 125-ый канон осуждает тех, кто на представлении в театре сидит в ложе вместе с женщинами; 164-ый канон регулирует вопрос раздела наследства, устанавливая, что две сестры должны получить одну долю; 188-ой канон осуж-

¹ А. Воскян, Армянские каноны Сардикейского собора, Вена, 1945, стр. 115, 132, на арм. яз.

² Книга посланий, стр. 220.

дает тех, кто вызывает искусственный выкидыш; а 73-ий канон—тех, кто искусственно избегает беременности; 198-ой канон запрещает приносить жертву царю той страны, которая нападет первой, и множество других подобных канонов.

В нескольких рукописях сокращенной «Книги канонов» (напр. №№ 835, 838, 8459 и др.) этот устав приписывается Иоанну Златоусту. В действительности ни Василий Кесарийский, ни Иоанн Златоуст не были авторами этого устава. По всей вероятности этот устав первоначально появился за именем Василия Кесарийского, потому что в древнейшей (от XI в.) рукописи А он дается за его именем. Однако важно не это, а то, что мы имеем здесь дело с фальсификацией имени автора. Анализируя вопрос источников канонов, мы заметили, что большое число канонов заимствовано из известных уставов, которые вошли в «Книгу канонов». Например, 1, 2, 4—12 каноны заимствованы из 3, 8, 24, 28—34, 37 канонов вошедшего в первый том «Книги канонов» устава Василия Кесарийского, 14—18-ый каноны—из 20, 23, 52, 63, 64 канонов Клементя и т. д. При этом мы заметили еще другое: ряд канонов повторяется, то кратко, то пространно, есть также вопросы, которым посвящены 3—4 каноны, например, 2 и 97-ой каноны касаются вопроса, виновен ли человек, убивший на войне другого, или невиновен; 144 и 271-ый каноны касаются тех, кто ругается: 27, 149, 219 и 221-ый каноны—вопроса свободы выбора при браке, а 10, 11, 49, 133 и 151-ый каноны—вопросов сожительства близких и т. д. Исходя из этих фактов, мы пришли к выводу, что настоящий текст не был составлен одним лицом, либо оно оказалось настолько небрежным, что надлежащим образом не выбрало и не обработало взятые фрагментарно материалы, что привело к повторениям.

По мнению Н. Акиняна устав Саака Партева, находящийся в первом томе «Книги канонов», был создан не в V веке, а во второй половине VI века и приписан Сааку¹. Поскольку 219 и 221 каноны настоящего устава, который приписан Ва-

¹ Н. Акинян, Исследование канонов св. Саака, Вена, 1950, стр. 26, 63, на арм. яз.

силию Кесарийскому, были, согласно Акиняну, использованы в уставе Саака Партева¹, следовательно, остается заключить, что этот устав Василия Кесарийского существовал ранее первой половины VI века. Однако другой факт привел нас к прямо противоположному выводу; 4 и 11-ый каноны устава католикоса Саака III Дзорапореци² (677—703), находящегося в первом томе «Книги канонов», оказываются заимствованы из 32 и 112-ого канонов устава, приписываемого Василию Кесарийскому. Это означает, что мнение Акиняна относительно времени создания этого устава неправильно, в особенности, если учесть, что последний не вошел в «Книгу канонов» Одзнецки и появился в редакции X века «Книги канонов». Таким образом, интересующий автора устав должен был быть составлен после VIII века.

На уставе, приписываемом Григорию Богослову, лежит, как будто, печать древности. Здесь, например, говорится о Никейском, Константинопольском вселенских соборах, но нет и речи об Эфесском соборе, или применяются такие древнейшие слова, как *գրիշի* (первопричина, изобретатель), *արտադրի* (отринуть, изгнать), *գրիշի* (быть) и т. д., с которыми мы встречаемся у писателей V века или в армянских переводах этого времени. Однако в 23-ем каноне запрещается брак епископов. Если этот устав действительно создал Григорий Богослов, то в IV веке такого запрета не было, это явление позднего времени. Вот почему и этот устав мы считаем фальсификацией.

Достоверность решений Двинского собора 645 г. не подлежит сомнению. Здесь нас заинтересовал вопрос, почему этот устав не вошел в составленную Одзнецки «Книгу канонов»? Нет упоминаний об этом соборе и в указателях соборов, имевших место в Армении, которые сохранились в трудах Одзнецки, Мхитаря Гоша, Степаноса Орбеляна и Аюни-ма. О нем упоминает только писатель XIV—XV вв. Григор Татеваци, однако это его упоминание мы считаем извлечением из «Книги канонов». Это молчание средневековых писателей по нашему предположению объясняется тем, что у вы-

¹ Там же, стр. 53.

² Армянская книга канонов, т. I, стр. 506—513.

шеупомянутых писателей, кроме Шахапиванского собора, отмечены лишь те соборы, на которых рассматривались догматические вопросы, связанные с внешней опасностью, с ограждением армянской церкви от влияния и объединения с христианскими, но чужими церквями, а те соборы, которые были посвящены утверждению порядка во внутренней жизни армянской общины, сохранению традиционных норм повседневного образа жизни, не вошли в отмеченные указатели и труды историков. Это видно из следующего свидетельства Мхитара Гоша. После перечисления соборов он добавляет: «Таковы главные соборы в Армении, ибо они отвергли зловредные секты и не приняли [их]»¹. Следовательно, целью его и других писателей было составление указателей не всех соборов, имевших место в Армении, а лишь главных. Главным же в их представлении было то, что отмечено выше. Быть может этим объясняется то, что Одзбеки в своем указателе соборов игнорирует созванные Нерсесом II Багреванци², Нерсесом III Шиногом и им же³— Двинские соборы, тогда как созванный в 726 г. собор в Маназкерте отмечает в своем указателе⁴.

Далее мы останавливаемся еще на одном вопросе. Мхитар Гош использовал в своем «Судебнике» последние шесть (7—12) канонов, указанного устава. Начальную основную часть 11-го канона он использовал в 103-ей статье второй части «Судебника», приводя интересующую нас часть в почти неизменном виде. Существенное различие канона и отмеченной части статьи Гоша состоит в том, что вместо слов «дракой и наказанием» «Книги канонов» мы в «Судебнике» читаем «кором (барщиной) и страженьем»⁵.

Академик А. Манандян, обратив внимание на это изменение, пишет: «По моему мнению «кор» был упомянут также в 11-ом каноне Двинского собора 645 г. Это наиболее древнее и важное свидетельство оставалась поныне неизвестным,

так как часть, касающаяся «кора», была искажена и изменена невежественными писцами»¹.

Действительно ли первоначально в уставе была форма «кором и страженьем» которая в дальнейшем подверглась искажению, как это полагает академик А. Манандян? Прежде всего, все использованные нами рукописи «Книги канонов» дают чтение «дракой и наказанием», во-вторых, исходя из сути канона, последнее чтение нам кажется правильным. В этом каноне речь идет о том, что «некоторые из азатов применяют насилие в отношении лиц, нашедших убежище в больницах и богадельнях, требуют с них, как с имущих, налоги и даже их [неимущих] еду и питье отдают приказчикам [азатов], [последние] посредством драки и наказаний притесняют несчастных единоверцев [братьев], бессовестно мучают их меж тем надобно заботиться об их нуждах...» и т. д. Кстати, еще ранее В. Бастамянц также находил, что «дракой и наказанием» также подходит².

Нами подробно исследуется вопрос автора устава, занимающего в «Книге канонов» 39-ое место. Речь идет о послании патриарха Иерусалима Макария, которое вошло в редакцию X века «Книги канонов» и в сборник «Книги посланий»³. Н. Акинян посвятил вопросу об авторе этого послания и, следовательно, его времени специальное исследование⁴. В нем он попытался показать, что это носящее канонический характер послание было написано не иерусалимским патриархом Макарием I армянскому католику Вртанесу (IV в.), а Макарием II архиепископу Сюника Вртанесу (VI в.). Основываясь на ряд фактов, мы показали неприемлемость мнения Н. Акиняна.

Н. Акинян полагает, что в VI в. в обрядовых вопросах

1 Дворцовые налоги Армении в период Марзпанов, Ереван, 1926, стр. 39 на арм. яз.; ту же мысль автор выражает в работе «Феодализм в древней Армении», Ереван, 1934, стр. 208—209, на арм. яз.; см. его же, «Критический обзор истории армянского народа», т. II, ч. I, Ереван, 1957, стр. 382—383.

2 Армянский судебник Мхитара Гоша, стр. 412, прим. 921, на арм. яз.

3 Тифлис, 1901, стр. 407—412, на арм. яз.

4 Письмо патриарха иерусалимского Макария II Вртанесу архиепископу Сюника, о церковных порядках, Вена, 1930.

1 №№ 2966, стр. 676, 3062, стр. 1676.

2 Армянская книга канонов, т. I, стр. 475—490.

3 Там же, стр. 514—535.

4 Книга посланий, стр. 223.

5 Армянский судебник Мхитара Гоша, стр. 412, на арм. яз.

культы армянской церкви имели место извращения, и обосновывает это данными писателя VIII в. Одзнеци. Прежде всего неверно с точки зрения методологической доказывать положение вещей, существовавших в VI веке, данными VIII века. Во-вторых, если в восьмом веке действительно имели место извращения в обрядовых вопросах культа, что являлось результатом политических событий, то в письме Макария и речи нет об извращениях, он говорит о недостатках: «В краях Восточных *недостает* осмотрительности во многих подобных вещах»¹ (подчеркнуто нами—В. А.). Недостатки же в обрядовых порядках армянской церкви были естественнее в IV веке, когда христианство лишь только проникло в Армению, и обрядовые, а также другие вопросы в недрах церкви не были еще разработаны и оформлены, чем в VI веке.

Во-вторых, по утверждению Акиняна Макарий II написал послание епископу Сюника Вртанесу. Однако, из указанного им по этому поводу источника—письмо преемника Макария II, архиепископа Иоаннеса видно, что Макарий II написал письмо не вообще армянам или, как полагает Акинян, прелату Сюника, Вртанесу, а пастырю Агванка, Аббасу. Это противоречие Акинян пытается объяснить следующим образом: «Такая невнимательность была, безусловно, простительна для патриарха, который писал послание в далекие области сопредельных стран, чьи главы действовали в единомыслии и единодушии»². Эта аргументация Акиняна слаба. Мог ли патриарх Иерусалима допустить такую странность и безтактность, чтобы в то время, когда архиепископ Сюникский, Вртанес, как считает Акинян, написал ему послание и попросил ответить на вопросы, касающиеся церковных обрядов, он послал ответ другому, епископу Агванка—Аббасу. Отмеченная Акиняном отдаленность не могла служить причиной тому, чтобы были спутаны имена двух духовных глав и тем более, стран.

В-третьих. 7-ой канон этого устава, согласно Акиняну, выглядит так: «[Надлежит] поставить на престол хлеб свя-

той, теплый... и чару [вина] неразбавленного, ничего не примешивая туда»¹. Как мог дать подобный совет иерусалимский патриарх Макарий II, если он во время литургии примешивал к вину воду? Этому противоречия Н. Акинян не смог преодолеть. Из 50-ти рукописей, использованных нами при составлении научно-критического текста «Книги канонов», только в 5 рукописях, к тому же XVII века, имеется свидетельство о примешивании к вину воды. На основании этого мы сделали вывод, что эта позднейшая интерполяция, и составили канон таким образом: «Поставить на престол хлеб святой, теплый... и неразбавленного, ничего не примешивая туда». Поскольку этот устав принадлежит Макарию I (IV век.), а в то время подобного спора между армянской и византийской церквями не было, естественно предположить, что не могло быть зафиксировано и примешивание воды к вину.

Н. Акинян полагает, что первоначальный пространный экземпляр этого текста был использован автором XI в. Ананией Ахбатечи, между тем, приведенные факты показывают, что пространный экземпляр этого текста был использован писателем VII века Ананией Ширакаци. Это доказывается такими трудами Ширакаци, которые дошли до нас в списке 971 г.², т. е. времени, когда Анания Ахбатечи еще не родился. Этот и ряд других подобных фактов дали нам возможность прийти к заключению, что текст письма принадлежит перу Макария I и в настоящем своем виде довольно сильно отличается от оригинала. В этом вопросе Акинян прав.

На 42-ом месте в «Книге канонов» находится устав известный как Каринский. Исследование подтвердило мнение А. Ташьяна, что этот устав считался фальсификацией и был приписан какому-то собору, имевшему место в Карине. В этом вопросе неприемлемы точки зрения как К. Тер-Мкртчяна, так и М. Орманяна, из которых первый считал, что Каринский собор был созван до 532 г., при католикосе Сааке II Аркаци, а второй—в 692 г., после Трульского собора при

¹ Армянская книга канонов, том II, стр. 264.

² Письмо патриарха иерусалимского Макария II..., стр. 61.

¹ Письмо патриарха иерусалимского Макария II..., стр. 123.

² № 2679.

Сааке III Дзорапореци. Поскольку этот текст отсутствует в редакциях «Книги канонов» и VIII и X вв., а впервые появляется в редакции XI века, следует предположить, что он не мог иметь большой давности.

43-ий устав «Книги канонов» озаглавлен именем католикоса Нерсеса, но какого Нерсеса, неизвестно. Этот текст не принадлежит ни одному из четырех католикосов Нерсесов средневековья. Следовательно, неправ В. Бастамянц, когда приписывает его Нерсесу II Багревандци (VI век), принимая за основу тот факт, что в нескольких рукописях сокращенной «Книги канонов» позднего периода этот текст следует за уставом известным за именем Нерсеса II Багревандци и Нершапуха.

Этот устав Н. Мелик-Тангян¹ и А. Кылтчян² справедливо считают позднейшим апокрифическим произведением. Последний, в особенности, рассматривая вопрос источников настоящего текста, пришел к правильному заключению, хотя он иногда и допускает ошибки. Так, например, А. Кылтчян полагает, что псевдо-Нерсес пользовался Судьбником Мхитара Гоша. Это неверно, потому что настоящий устав примерно за 100 лет до Мхитара Гоша уже вошел в редакцию XI века³. Одновременно нами показана причина этой ошибки Кылтчяна.

Слово «*սլանիւիտ*» (апорное) в тексте 23-го канона Кылтчян предположительно отождествляет с латинским *abortus*. Такое объяснение очень подходит к содержанию канона. Мы считаем его вероятным. Это означает, что настоящий устав был создан в среде, где имелись контакты с латинскими народами. Такие контакты наблюдались, начиная с X века, в Киликии⁴. Напомним также, что список древнейшей из рукописей «Книги канонов» — рукопись А от 1098 г. была переписана в Киликии.

¹ Армянское церковное право, кн. I, Шуша, 1903, стр. 369.

² Андес амсоря, 1908, май, стр. 134.

³ См. рукопись А.

⁴ Г. Г. Микаелян, История киликийского армянского государства, Ереван, 1952, стр. 51, 181.

На последующих страницах исследования рассматривается вопрос правильности уточнения А. Кылтчяном текста 22-го канона. В тексте говорится о запрещении браков между лицами, находящимся в пятой степени родства. Кылтчян считает слово «пятую» ошибкой и предлагает исправить его на «третью»¹. Мы возражаем против такого исправления, считая, что в тексте нет ошибки. В Центральном государственном историческом архиве Архивного управления при Сов. Мин. Арм. ССР находится объявление Эчмиадзинского духовного синода от 14 октября 1909 г. Согласно этому объявлению, браки между лицами, находящимся в пятой и шестой степени родства, считаются недопустимыми: «но в случаях, когда станет известным, что брак был заключен между [лицами] упомянутых недопустимых степеней, брак счесть действительным, а на венчающего священника и на обвенчанных должны наложить строгую епитимию...»².

Правда, факт этот относится к началу XX века, однако подход к вопросу здесь тот же, что и в указанном тексте.

Выше мы вкратце изложили подробно исследуемый в диссертации вопрос достоверности целого ряда уставов. Имеются еще и другие тексты, которые в настоящем своем виде также недостоверны, однако для доказательства этого у нас нет достаточных фактов. Таковы, например, тексты апостола Филиппа, Ефрема Сирийца, Кирилла Александрийского, Елифания Кипрского, Ипполита³, Нектара, Мелитона и др.

Интересно то, что с одной стороны армянская церковь, будучи нетерпимой в отношении сфальсифицированных и апокрифических текстов, связанных с догматическими и обрядовыми вопросами, запрещала их использование⁴, с другой же стороны, подобные писания вошли в «Книгу канонов», ко-

¹ Андес амсоря, 1908, август, стр. 229; Армянская книга канонов, Тифлис, 1914, стр. 119.

² Фонд 57, дело 1362, стр. 58 аб.

³ Деятели второго—третьего века, а в это время еще не было спора относительно празднования рождества Христа в один день—6 января или в разные дни—25 декабря и 6 января—вопрос, который мы обнаруживаем в вошедшем в «Книгу канонов» тексте за его именем.

⁴ Указатель подобных писаний см. в кн. А. Анасян, Арм. библиология, Ереван, 1959, введение, стр. XXXIX—XL и 898—913, на арм. яз.

торая представляет собой уже официальный сборник документов. Это явление можно объяснить тем, что в связи с тем или иным вопросом чувствовалась необходимость опереться не только на современный уровень богословия и собственные познания, но искать также для доказательства авторитеты и с помощью высказываний последних считать вопрос исчерпанным. Одновременно это показывает отсутствие критического подхода при разрешении того или иного вопроса и безоговорочное преклонение перед авторитетами в богословии. Таким образом, армянская церковь, чтобы сохранить свои религиозные положения твердыми и непоколебимыми, возвращала от парадного входа сфальсифицированные или апокрифические писания, и одновременно, пускала подобные выгодные ей сочинения с черного хода.

В различных слоях добавившихся к «Книге канонов» заметно одно общее явление: если после Одзнеци (и не только после него) в «Книгу канонов» включались тексты, часть которых была сфальсифицирована, однако во всех случаях носила канонический характер и касалась членов феодального общества, обрядовых вопросов армянской церкви, различных правовых норм как, например, уставы, приписанные апостолам Фаддею и Филиппу, Василию Кесарийскому, католикусу Нерсесу, Второникейский устав, приписанный Каринскому собору и др.; то тексты, добавленные к редакции XI века по своему характеру, начиная с 45-го и кончая 57-ым уставом, не являются канонами. Мы не говорим уже о добавлениях XIII и XVII веков, которые представляют собой отдельные фрагменты или главы, извлеченные из каких-то произведений.

В той же главе исследования мы рассмотрели также вопросы связи содержания отдельных материалов «Книги канонов» и сборников, именуемых «Чарынтир» («Չարնտիր»). Чарынтиры — это различные по объему и содержанию сборники, в которых заключены речи видных общих и национальных церковных деятелей, отдельной главы или фрагменты из их произведений, житийные, мартирологические и иные сочинения. Чарынтиры призваны были обеспечить догматическое воспитание членов армянской общины. По характеру своего

воздействия они назидательны, т. е. обучали и воспитывали людей средствами убеждения объяснения, примера, а не каноническими и дисциплинарными методами. В этом смысле Чарынтиры связаны скорее с назидательной, чем канонической литературой, где исключается вопрос епитимии. Нами показано, что отдельные материалы, как например, первый канон епископа Абраама Мамиконяна¹ и пространный фрагмент конца устава, приписанного апостолом², перешел из «Книги канонов» в Чарынтиры³. Однако есть также тексты, которые перешли из Чарынтиров в «Книгу канонов», например, с пространным вариантом 3 канона текста, приписанного Епифанию Кипрскому и помещенного в «Книге канонов» под № 46, мы встречаемся к рукописи № 941 Матенадарана⁴. А в одном из Чарынтиров Иерусалима мы встречаем тексты, содержащие по одному канону Ипполита, Нектара, Мелитона и Афанасия Александрийского⁵. По своему характеру эти материалы являются не канонами, а догматическими текстами, поэтому они и перешли к «Книгу канонов» позднего периода, в редакцию XI века.

В последней, **шестой** главе диссертационной работы исследуется вопрос хронологических границ использования «Книги канонов», в частности, отмеченных выше недостоверных уставов. Нам известен ряд фактов, когда «Книга канонов» использовалась в качестве сборника официальных документов в литературных произведениях разного характера и распоряжениях по поводу окончательного решения вопросов, находившихся в компетенции армянской церкви. Переходя к исследованию отмеченных вопросов, мы не имели целью показать факты использования «Книги канонов» в качестве первоисточника, вообще, и, в частности, в судебных Мхитара Гоша и Смбата Гундстабля. Здесь отмечены лишь известные автору факты использования по разным поводам в средние

¹ Армянская книга канонов, т. I, стр. 501—502.

² Там же, стр. 58—63.

³ Рук. №№ 993, стр. 243а, 1525, стр. 1886.

⁴ Стр. 224а—2256.

⁵ А. Сюрмян, Каталог армянских рукописей монастыря св. Иакова в Иерусалиме, т. I, Венеция, 1948, стр. 5.

века и в более поздний период «Книги канонов», вообще и, в частности, ее недостоверных уставов.

В середине X века Аняния Мокаци фрагментарно использовал в своих посланиях различные уставы из «Книги канонов», как Апостольский, Клементя, Отцов премеников апостольских, Анкирский, Константинопольский, Эфесский, Василия Кесарийского, Саака Партева и Шахаливанский¹. Вместе с ними он одновременно приводит и 21 канон Второникейского устава с такой пометкой: «Сокращение канонов, кои зовутся 21-ой главой Никеи»².

Использование «Книги канонов» Мхитаром Гошем мы не рассматриваем, поскольку это общепризнанный факт. Однако мы остановились на другой стороне проделанной им работы. Хотя Гош с сомнением отнесся к достоверности устава известного за именем Василия Кесарийского³, который нашел себе место во втором томе «Книги канонов», однако это не помешало ему использовать этот устав; не только из него, но и из целого ряда других недостоверных уставов, в подлинности которых он не сомневался. Он заимствовал иногда пространные материалы и использовал их в различных статьях Судебника, придав им силу закона. Например, 6 и 89 каноны Второникейского устава он отразил в 70,71 статьях первой части Судебника, 44, 84, 208, 209, 210, 211, 219 каноны устава Василия Кесарийского соответственно в 83, 84, 96, 97, 98, 90, 91 статьях, 31 канон апостола Фаддея в 92 статье и т. д.

Писатель XIII века Иоаннес Ерзынкаци в своей работе «Наставление священникам и общине народа христианского...»⁴, привел довольно много материалов из ряда уставов «Книги канонов», как например, Апостольского, Григора Лусаворича, Саака Партева, Василия Кесарийского, Нерсеса II Багревандци, Олзнеци, псевдо-Нерсеса и др. уставов⁵.

¹ Арарат, 1897, приложение, стр. 278—279, 281—282, 284—285, 287—288 на арм. яз.

² Там же, стр. 281.

³ Армянский судебник Мхитара Гоша, стр. 187.

⁴ Из многочисленных рукописей этого произведения, хранящихся в Матенадаране, отмечается только одна—№ 581, стр. 178 а—262 б.

⁵ № 581, стр. 202 аб, 204 б, 205 аб—207 б, 210 аб, 215 б—216 б и продолж.

Григор Татеваци в 9 томе своей работы «Книга вопрошени»¹, отмечая в ответе на вопрос —Почему народ франков два дня в пост разговляется?» каноны Никеи и Василия Кесарийского, приводит 2 и 3-ий каноны устава Ефрема Сирийца².

В средние века велись горячие споры по поводу того, следует ли праздновать рождество и крещение Христа в один ден—6 января, или в разные дни—25 декабря и 6 января. Эти споры отразились в различных литературных материалах. В рукописи № 502 Матенадарана приводятся краткие и пространные фрагменты из уставов Иоанна Иерусалимского, Нектара, Григория Богослова, Ипполита, Севериана, Мелитона, Каринского собора в подтверждение или отрицание их положений³. Подобное сочинение мы встречаем в различных частях месяцеслова в рук. № 3919, где в фрагментарной и в пространной форме приводятся отрывки из уставов Апостольского, Никейского, Саака Партева, Ефрема Сирийца, Епифания Кипрского, Севериана, Ипполита, Нектара и др.⁴.

С интересными фактами использования «Книги канонов» мы встречаемся в XVIII, XIX вв. и первых двух десятилетиях XX века. В 1781 г. духовный начальник армянской епархии в России, Овсеп Аргутянц составил для духовного суда Нор-Нахичевана «Положение»⁵. В предисловий—«Речь к добролюбящим читателям», автор пишет: «Предлагаемые каноны мы извлекли частично из прежних канонов святых отцов и **пастырей святой церкви армянской**»⁶. В 7 главе первой части, говоря о назначении епископов и их обязанностях, он в конце добавляет: «Смотри в канонах **Клементя в главах 36, 38, 39 и др. канонах святых отцов и в 24, 26, главах Антиохийского (собора) и в канонах особых соборов народа армянского**»⁷

¹ Константинополь, 1729.

² Стр. 651.

³ Стр. 146 б—148 а, 153 б, 155 аб.

⁴ Стр. 208 а—217 б.

⁵ См. Мясц агавни и цацац Айастанн, Феодосия, 1864, стр. 75—80, 110—112, 135—139, 230—233, 290—292, на арм. яз.

⁶ Там же, стр. 77.

⁷ Там же, стр. 78.

(подчеркнуто нами—В. А.). Этим «Положением» руководствовались, как отмечают издатели, до 1836 г. не только епархия Нор-Нахичевана, но и другие епархии России¹.

Подобные же каноны, быть может, короче по содержанию были созданы и в других епархиях, например, в епархии Тигранакерта в 1825 г., благодаря усилиям прелата вардапета Карапета и по «соизволению старейшин», были составлены 12 канонов². Первоисточником части этих канонов была «Книга канонов». «Некоторые из коих (канонов—В. А.) подтверждаются прежними канонами святых»³.

В посланиях высших духовных властей при определении того или иного вопроса или обоснования решения часто можно встретить извлечения из «Книги канонов». Армянский прелат в Грузии Нерсес Аштаракецц посланием от 6 февраля 1815 г. к священнику Садахлу Овсепу наказывает его за совершение незаконного венчания. Свое обвинение он обосновывает извлечениями из нескольких уставов «Книги канонов», как, например, 37, 57 канонами Клементя, 8-ым канонем Григора Лусаворича, 215-ым канонем, приписываемым Василию Кесарийскому⁴.

С фактами использования «Книги канонов» мы встречаемся также в первые два десятилетия XX века. Католикос Георг V в своем послании синоду от 26 ноября 1915 г. сообщает: «Испокон веков святая и апостольская армянская церковь, следуя канонам, установленным национальными соборами апостольских патриархов и святых отцов, вела разумную свою поству в добронравии непрочной жизни»⁵. Затем напоминает, что «наши духовные присутствия, которые расследуют и разводят мужей и жен и [освобождают] их от у

¹ Там же, стр. 74. Сравни с документом архивного отдела Матенадарана, фонд, диван католикоса, папка 51, док. 129, стр. 1 а, на арм. яз.

² Архивный отдел Матенадарана, фонд, диван католикоса, папка 53, док. 26.

³ Там же.

⁴ Архивный отдел Матенадарана, диван католикоса, папка 27, док. 4. В связи с другим вопросом Нерсес Аштаракецц ссылается на 79, 80, 81-ый каноны Клементя, см. там же, диван католикоса, папка 29, док. 13.

⁵ Центральный государственный исторический архив Арм. ССР, фонд 57, д. 49, стр. 45 а.

законного брака, совершенно оставили древние каноны и не имеют новых и несомненных»¹.

В конце он требует от членов синода, чтобы они изучили обстоятельства бракоразводных дел за последние тридцать лет, которые находятся в синоде, и выяснили «какие из древних канонов применимы в таких случаях, и в каких случаях были уклонения от обычаев предков»², и т. д.

Поскольку редакцию «Книги канонов» VIII века создал Одзнецц, она для своего и позднейшего времени представляла официальный сборник, несмотря на то, что он и не был утвержден особым собором. Добавления, сделанные после этого в «Книге канонов» хотя и не носили официального характера, однако это не мешало тому, чтобы вся «Книга канонов» в целом не теряла своего прежнего официального характера и по инерции продолжала оставаться официальным путеводителем, регулирующим ряд сторон внутренней жизни феодального общества.

Таким образом, «Книга канонов» использовалась не только в средние века, но и в течение первых десятилетий XX века—в начале нового периода, причем пользовались также и недостоверными уставами и посланиями, не сомневаясь в их достоверности.

Чтобы вникнуть в вопрос использования «Книги канонов» в жизни, безусловно, необходимо иметь в виду еще другое обстоятельство. Чем дальше движемся мы от средневековья к нашему времени, в частности, после опубликования в 1836 г. «Положения», тем больше сужаются области использования «Книги канонов», в связи с сокращением радиуса деятельности духовных властей. Когда историческая Армения и находящиеся в различных колониях армянские общины начинают подлежать административно-политическому влиянию разных государств, тогда и в вопросах уголовных и отчасти гражданских они начинают подчиняться действующим в этих странах соответствующим законам. В этих условиях духовные власти занимаются вопросами догмы, обрядовыми, брачными, бракоразводными, воспитательными и т. п., Эту жиз-

¹ Там же, стр. 45 б.

² Там же, стр. 46 а.

неспособность «Книги канонов» мы объясняем утерей государственности армянского народа, когда в этих условиях армянская церковь взяла на себя определенные государственные права. «Книга канонов» сохраняла свою жизнеспособность постольку, поскольку в экономической жизни и общественном строе армянского народа не совершались радикальные изменения. Она сохраняла свой характер древности в той мере, в какой эта древность сохранялась в недрах армянского народа.

Таков был пройденный «Книгой канонов» долгий путь, на котором порой обогащалось ее содержание, порой же сокращалась сфера ее применения. Ныне она навсегда превратилась в литературный памятник, в котором нашли свое отражение различные стороны внутренней жизни армянского народа в давно прошедшие дни.

* * *

Относительно основной работы, связанной с составлением научно-критического текста первого тома «Книги канонов», можно отметить следующее. После того, как у нас под рукой оказались результаты сравнения 48 рукописей, мы на их основе приступили к составлению научно-критического текста «Книги канонов». Такой подход позволил нам выбрать из результатов сравнения 48 рукописей наиболее точные чтения, включить их в текст, а искажения опустить в подстрочные примечания. В тех случаях, когда в уставах, переведенных с греческого, только несколько рукописей давали соответствующее греческому тексту правильное чтение (а в большинстве оно было неверным) мы опять таки руководствовались вышензложенным принципом. Так, например, только в 6 рукописях имеется правильное чтение 3-го канона Константинопольского устава, которое соответствует греческому тексту—«О шинакане (кинике) Максиме» (Մերձ Մաքիմոս տօ՛ւ քոյնիկո՛ս), в остальной же, большей части дается неверное чтение—«о шинакане (крестьянине) Максиме». Последнее чтение мы поместили в подстрочном примечании, а первое, правильное чтение дали в тексте. Однако бывают и трудноразрешимые случаи. Это те, когда слово искажено, либо

вообще выпало и мысль трудно или вовсе невозможно понять, так как все использованные нами рукописи дают только искаженное чтение, а правильное чтение сохранилось в греческих первоисточниках. Тогда мы на основании последних восстанавливали правильную форму слова, отмечая квадратными скобками восполненную часть слова или все добавленное слово. Например, все рукописи дают следующее чтение 7-го канона Сардикийского устава: «или опять если кто что (որ) лишит его жизни» (стр. 259, строка 13). Здесь мысль выражена нечетко, меж тем в греческом тексте читаем: $\eta\ \alpha\tilde{\nu}\ \pi\acute{\alpha}\lambda\lambda\eta\ \delta\epsilon\ \rho\acute{\eta}\tau\alpha\iota\ \tau\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\pi\omicron\sigma\tau\epsilon\rho\alpha\iota\tau\omicron\ \tau\omicron\upsilon\tau\omega\ \pi\alpha\tau\epsilon\rho\alpha\kappa\alpha\tau\omicron\upsilon\tau\omega\upsilon$: Подчеркнутое греческое слово $\delta\epsilon\ \rho\acute{\eta}\tau\alpha\iota$ (сирота — որր) превратилось в армянском тексте в «что (որ)», вследствие выпадения в слове որр последней буквы «р». В сводном тексте слово որр дано в форме որ[р] (стр. 259, строка 13.) Еще другой пример: во всех рукописях в 4-ом каноне Эфесского устава нет включенных нами в текст слов «или публично» (стр. 280, строка 13). Однако в предшествующих этим последним словам «или отдельно» слово «или» заставляет предположить, что до слова «против» слово «или» должно было бы еще раз повториться с каким-нибудь словом, противоположным по смыслу слову «отдельно», например, «или публично». И действительно, мы находим это слово— $\eta\ \delta\eta\mu\omicron\sigma\iota\alpha$ в греческом тексте. После восстановления этого слова весь отрывок получил следующий вид: «или отдельно, или публично» (ср. греч. $\eta\ \kappa\alpha\tau'\ \iota\delta\iota\alpha\upsilon\ \eta\ \delta\eta\mu\omicron\sigma\iota\alpha$).

Еще более сложными бывают случаи, когда перед нами находится армянский текст, а не текст, переведенный с греческого, к которому в случае необходимости можно обратиться. Например, одно каноническое послание епископа Абрама Мамиконяна, направленное царю Агванка, Вачагану, имеет во всех рукописях чтение: «и облегчит душ умирающих» (стр. 502, строка 3). Здесь мысль выражена нечетко, вследствие выпадения одного слова. Мы проверили различные литературные тексты и в одном из вариантов послания заметили утерянное слово «бремя». Слово это было заимствовано из 25 главы первого тома Мовсеса Каганкатваци и помещено в текст «Книги канонов» следующим образом: «и облегчит [бремя] душ умирающих».

(подчеркнуто нами—В. А.). Этим «Положением» руководствовались, как отмечают издатели, до 1836 г. не только епархия Нор-Нахичевана, но и другие епархии России¹.

Подобные же каноны, быть может, короче по содержанию были созданы и в других епархиях, например, в епархии Тигранакерта в 1825 г., благодаря усилиям прелата вардапета Карапета и по «соизволению старейшин», были составлены 12 канонов². Первоисточником части этих канонов была «Книга канонов». «Некоторые из коих (канонов—В. А.) подтверждаются прежними канонами святых»³.

В посланиях высших духовных властей при определении того или иного вопроса или обоснования решения часто можно встретить извлечения из «Книги канонов». Армянский прелат в Грузии Нерсес Аштаракецц посланием от 6 февраля 1815 г. к священнику Садахлу Овсепу наказывает его за совершение незаконного венчания. Свое обвинение он обосновывает извлечениями из нескольких уставов «Книги канонов», как, например, 37, 57 канонами Клементя, 8-ым канонем Григора Лусаворича, 215-ым канонем, приписываемым Василию Кесарийскому⁴.

С фактами использования «Книги канонов» мы встречаемся также в первые два десятилетия XX века. Католикос Георг V в своем послании синоду от 26 ноября 1915 г. сообщает: «Испокон веков святая и апостольская армянская церковь, следуя канонам, установленным национальными соборами апостольских патриархов и святых отцов, вела разумную свою поству в добронравии непрочной жизни»⁵. Затем напоминает, что «наши духовные присутствия, которые расследуют и разводят мужей и жен и [освобождают] их от у

¹ Там же, стр. 74. Срав., с документом архивного отдела Матенадарана, фонд, диван католикоса, папка 51, док. 129, стр. 1 а, на арм. яз.

² Архивный отдел Матенадарана, фонд, диван католикоса, папка 53, док. 26.

³ Там же.

⁴ Архивный отдел Матенадарана, диван католикоса, папка 27, док. 4. В связи с другим вопросом Нерсес Аштаракецц ссылается на 79, 80, 81-ый каноны Клементя, см. там же, диван католикоса, папка 29, док. 13.

⁵ Центральный государственный исторический архив Арм. ССР, фонд 57, д. 49, стр. 45 а.

законного брака, совершенно оставили древние каноны и не имеют новых и несомненных»¹.

В конце он требует от членов синода, чтобы они изучили обстоятельства бракоразводных дел за последние тридцать лет, которые находятся в синоде, и выяснили «какие из древних канонов применимы в таких случаях, и в каких случаях были отклонения от обычаев предков»². и т. д.

Поскольку редакцию «Книги канонов» VIII века создал Одзнецц, она для своего и позднейшего времени представляла официальный сборник, несмотря на то, что он и не был утвержден особым собором. Добавления, сделанные после этого в «Книге канонов» хотя и не носили официального характера, однако это не мешало тому, чтобы вся «Книга канонов» в целом не теряла своего прежнего официального характера и по инерции продолжала оставаться официальным путеводителем, регулирующим ряд сторон внутренней жизни феодального общества.

Таким образом, «Книга канонов» использовалась не только в средние века, но и в течение первых десятилетий XX века—в начале нового периода, причем пользовались также и недостоверными уставами и посланиями, не сомневаясь в их достоверности.

Чтобы вникнуть в вопрос использования «Книги канонов» в жизни, безусловно, необходимо иметь в виду еще другое обстоятельство. Чем дальше движемся мы от средневековья к нашему времени, в частности, после опубликования в 1836 г. «Положения», тем больше сужаются области использования «Книги канонов», в связи с сокращением радиуса деятельности духовных властей. Когда историческая Армения и находящиеся в различных колониях армянские общины начинают подлежать административно-политическому влиянию разных государств, тогда и в вопросах уголовных и отчасти гражданских они начинают подчиняться действующим в этих странах соответствующим законам. В этих условиях духовные власти занимаются вопросами догмы, обрядовыми, брачными, бракоразводными, воспитательными и т. п., Эту жиз-

¹ Там же, стр. 45 б.

² Там же, стр. 46 а.

неспособность «Книги канонов» мы объясняем утерей государственности армянского народа, когда в этих условиях армянская церковь взяла на себя определенные государственные права. «Книга канонов» сохраняла свою жизнеспособность постольку, поскольку в экономической жизни и общественном строе армянского народа не совершались радикальные изменения. Она сохраняла свой характер древности в той мере, в какой эта древность сохранялась в недрах армянского народа.

Таков был пройденный «Книгой канонов» долгий путь, на котором порой обогащалось ее содержание, порой же сокращалась сфера ее применения. Ныне она навсегда превратилась в литературный памятник, в котором нашли свое отражение различные стороны внутренней жизни армянского народа в давно прошедшие дни.

* * *

Относительно основной работы, связанной с составлением научно-критического текста первого тома «Книги канонов», можно отметить следующее. После того, как у нас под рукой оказались результаты сравнения 48 рукописей, мы на их основе приступили к составлению научно-критического текста «Книги канонов». Такой подход позволил нам выбрать из результатов сравнения 48 рукописей наиболее точные чтения, включить их в текст, а искажения опустить в подстрочные примечания. В тех случаях, когда в уставах, переведенных с греческого, только несколько рукописей давали соответствующее греческому тексту правильное чтение (а в большинстве оно было неверным) мы опять таки руководствовались вышеизложенным принципом. Так, например, только в 6 рукописях имеется правильное чтение 3-го канона Константинопольского устава, которое соответствует греческому тексту—«О шинакане (кинике) Максиме» (Περὶ Μαξιμου τοῦ κινικοῦ), в остальной же, большей части дается неверное чтение—«о шинакане (крестьянине) Максиме». Последнее чтение мы поместили в подстрочном примечании, а первое, правильное чтение дали в тексте. Однако бывают и трудноразрешимые случаи. Это те, когда слово искажено, либо

вообще выпало и мысль трудно или вовсе невозможно понять, так как все использованные нами рукописи дают только искаженное чтение, а правильное чтение сохранилось в греческих первоисточниках. Тогда мы на основании последних восстанавливали правильную форму слова, отмечая квадратными скобками восполненную часть слова или все добавленное слово. Например, все рукописи дают следующее чтение 7-го канона Сардикейского устава: «или опять если кто что (nr) лишит его жизни» (стр. 259, строка 13). Здесь мысль выражена нечетко, меж тем в греческом тексте читаем: ἢ αὖ πάλιν ὄρφανός τις ἀποστερήσῃ τὸν αὐτὸν προστήκοντα: Подчеркнутое греческое слово ὄρφανός (сирота —nrp) превратилось в армянском тексте в «что (nr)», вследствие выпадения в слове nrp последней буквы «p». В сводном тексте слово nrp дано в форме nr[p] (стр. 259, строка 13.) Еще другой пример: во всех рукописях в 4-ом каноне Эфесского устава нет включенных нами в текст слов «или публично» (стр. 280, строка 13). Однако в предшествующих этим последним словам «или отдельно» слово «или» заставляет предположить, что до слова «против» слово «или» должно было бы еще раз повториться с каким-нибудь словом, противоположным по смыслу слову «отдельно», например, «или публично». И действительно, мы находим это слово—ἢ δημοσίᾳ в греческом тексте. После восстановления этого слова весь отрывок получил следующий вид: «или отдельно, или публично» (ср. греч. ἢ κατ' ἰδίαν ἢ δημοσίᾳ).

Еще более сложными бывают случаи, когда перед нами находится армянский текст, а не текст, переведенный с греческого, к которому в случае необходимости можно обратиться. Например, одно каноническое послание епископа Абрама Мамиконяна, направленное царю Агванка, Вачагану, имеет во всех рукописях чтение: «и облегчит душ умирающих» (стр. 502, строка 3). Здесь мысль выражена нечетко, вследствие выпадения одного слова. Мы проверили различные литературные тексты и в одном из вариантов послания заметили утерянное слово «бремя». Слово это было заимствовано из 25 главы первого тома Мовсеса Каганкатвацци и помещено в текст «Книги канонов» следующим образом: «и облегчит [бремя] душ умирающих».

Проделав, таким образом, сложную филологическую и источниковедческую работу, мы смогли восстановить многочисленные слова и предложения в их первоначальном виде, хотя и перечислили здесь всего лишь несколько примеров проделанной работы.

В рукописях «Книги канонов» каждый устав имеет указатель содержания статей, за которым следуют каноны. Бывают случаи, когда какое-либо заглавие в этих указателях не имеет соответствующего канона. Например, в 49-ом заглавии указателя устава Саака Партева отмечено: «О епископах и вардапетах» (стр. 367, строка 2). Однако в рукописи «Книги канонов» в 49-ом каноне говорится совсем о другом. Дело в том, что в свое время существовал канон, соответствовавший 49-му заглавию указателя, однако в дальнейшем по каким-то причинам 49-ый номер канона выпал, и канон был присоединен к предшествовавшему 48-му канону. В подобных случаях после внимательного исследования, автор отделил соответствующий канон и поместил его отдельно, под соответствующим порядковым номером.

Нередко общие номера канонов в рукописях не совпадали с соответствующими номерами, которые отмечены в помещенных в начале рукописей предметных указателях. В подобных случаях соответствующие номера канонов и предметных указателей сравнивались и при обнаружении отклонений в предметном указателе (стр. 5—17) в круглых скобках отмечался номер, имеющийся в рукописи, а правильный ставился рядом.

В разделе комментариев проделано следующее: первое: материалы, содержащиеся в 12 других рукописях «Книги канонов», подверглись в свое время таким структурным изменениям и редактированию (отдельные каноны были сокращены или расширены или выброшены), что их нельзя было сравнить с текстами отобранных нами древнейших и лучших рукописей, поэтому они приводятся в комментариях к канонам соответствующих уставов. Второе: те уставы, которые были переведены с греческого языка на армянский, сравниваются с греческим текстом, и различия их даются в комментариях.

В последнем разделе «Армянской книги канонов» — указателях помещены предисловия к уставам и первые строки канонов во всех их вариантах (стр. 671—696), предметный указатель с уточнением постраничных строк (стр. 697—723), именной (724—734) и географический (735—740) указатели.

Положения диссертационной работы опубликованы:

1. «Армянская книга канонов», т. 1, Ереван, 1964, 822 стр. (60 авторских листов).
2. «Армянская книга канонов», т. 2. исследование и текст. (50 авторских листов). Находится в процессе производства.